

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

П.В. Левитов

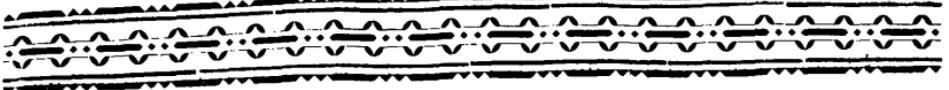
**Из курса христианского
Нравственного Богословия**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1911. № 7-8. С. 901-916.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

Изъ курса христіанского Нравственного Богословія.

I.

Ученіе Откровенія о состояніи нравственной природы человѣка до и послѣ грѣхопаденія.

По учению Откровенія, человѣкъ былъ созданъ Богомъ совершеннымъ какъ по душѣ, такъ и по тѣлу. Но этого совершенства нельзя понимать въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ его силы и способности достигли полного своего развитія. Первозданный человѣкъ обладалъ воспріимчивостью ко всему добруму и прекрасному, легко и свободно могъ развивать свой умъ, имѣлъ чистое, неиспорченное сердце, то, конечно, не было еще ученымъ и многознающимъ, а равно и не укрѣпилъ своей воли въ добрѣ. Все это должно было составить дальняйшую задачу человѣческой жизни. Въ частности нравственное совершенство прародителей было *природнымъ* Божественнымъ даромъ, а не ихъ *личною* заслугою. Для того, чтобы оно сдѣлалось таковою, имъ и была дана заповѣдь. Соблюдая ее, люди становились бы праведными и *святыми*, а въ постоянномъ общеніи съ Богомъ, природой, другъ другомъ и всѣми живыми существами, постепенно развивали бы свой умъ, пріобрѣтали все новыя и новыя знанія о мірѣ, совершенствуясь во всѣхъ отношеніяхъ и дѣляясь подобными Богу. Все это служило бы для нихъ источникомъ высокаго счастія, не омрачаемаго ни внутренними муками совѣсти, ни физическими страданіями, ни страхомъ смерти, явившимся уже послѣ грѣхопаденія въ качествѣ его слѣдствія (Быт. 3, 19; Прем. 2, 23; Рим. 5, 12).

Блаженная жизнь первыхъ людей въ раю была нарушена ихъ грѣхопаденiemъ, сопровождавшимся страшными слѣдствіями какъ для нихъ самихъ, такъ и для всего человѣчества. Первородный грѣхъ внесъ ядъ заразы во всю природу человѣка, омрачилъ его разумъ, сдѣлалъ волю удобопреклонною ко злу, исказилъ въ немъ образъ и подобіе Божіе, послужилъ причиною болѣзней и смерти. Какъ виновность нашихъ прародителей предъ Богомъ и отвѣтственность за нее, такъ и всѣ гибельныя слѣдствія грѣха, перешли отъ Адама и Евы на все ихъ потомство. Въ настоящее время, по выраженію православнаго катихизиса, мы зачинаемся и рождаемся во грѣхахъ (Пс. 50,7; Іовъ 14,4; Іоанн. 3,6; Римл. 5,12).

Природа падшаго человѣка глубоко повреждена. Его умъ мало воспріимчивъ къ истинамъ высшаго, духовнаго порядка. «Душевенъ человѣкъ, по выраженію ап. Павла, не пріемлетъ яже духа Божія, юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовне востязуется». Его воля оказывается безсильною въ дѣлѣ осуществленія закона нравственнаго добра. Без силіе это въ высшей степени ярко изображаетъ апостолъ Павелъ въ 7-ой главѣ посланія къ Римлянамъ. «Вѣмъ, говорить онъ, яко не живеть во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей доброе: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти добро, не обрѣтаю». Св. апостолъ различаетъ въ человѣческомъ существѣ какъ бы двѣ стороны: высшую, духовную, и низшую, душевную, плотскую. Между этими двумя сторонами происходитъ постоянная борьба, вслѣдствіе которой человѣкъ испытываетъ мучительное внутреннее раздвоеніе. Лучшею частію своей природы онъ хочетъ нравственнаго добра, сознаетъ его цѣнность, его внутреннюю красоту, но грѣховное, плотское начало, живущее въ немъ, притиводѣйствуетъ этому хотѣнію, почему человѣкъ не находить въ себѣ силъ осуществить его. «Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю». Фактически онъ дѣлаетъ не то, что въ глубинѣ души своей считаетъ совершеннѣйшимъ и лучшимъ, а то, что противно идеальнымъ стремленіямъ его богоподобной природы. Но если это такъ, если человѣкъ дѣлаетъ то, что не согласно съ запросами его духовнаго я, то, очевидно, не оно является источникомъ его нравственной дряблости, а иная грѣховная сторона человѣческаго существа, «аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ». «Обрѣтаю убо законъ, хотяющи ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ. Соуслаждаюся бо Закону Божію по внутрен-

нему человѣку; вижду же ииъ законъ во удѣхъ моихъ, противу-воюющъ закону ума моего и пльняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ» (Римл. 7, 18—23).

Едвали гдѣ еще въ міровой литературѣ съ такою яркостью и силой изображенъ антагонизмъ между отдельными элементами человѣческой природы, какъ въ приведенномъ мѣстѣ изъ апостола Павла. Борьба двухъ началъ въ человѣкѣ доброго и злого свидѣтельствуется самосознаніемъ каждого и нашла себѣ отображеніе въ произведеніяхъ искусства, особенно поэзіи. Въ человѣкѣ, по выражению Гете, живеть какъ бы двѣ души: одна стремится въ міръ идеальный къ Богу и всему Божественному; другая погрязаетъ въ мірѣ, привязанная къ мелочному, чувственному и житейскому. Первая соуслаждается закону Божію, вторая носить въ своихъ нѣдрахъ «инъ законъ», противувоюющъ закону ума нашего. Нравственная задача человѣка и человѣчества заключается въ томъ, чтобы доставить побѣду «духовному» человѣку надъ «душевнымъ», подавить силу грѣха, возрастить въ себѣ сѣмя святой и богоугодной жизни, освободиться отъ рабства тому чуждому закону, который апостоль называетъ «закономъ грѣха и смерти» (Рим. 8, 2).

Изъ анализа приведенныхъ словъ св. апостола видна несостоятельность римско-католического и протестантского воззрѣній на состояніе нравственной природы человѣка. Католики въ смягченномъ видѣ усвоили пелагіанскій взглядъ по данному вопросу. Они учатъ, что грѣхъ не повредилъ существеннымъ образомъ природу человѣка, что послѣдній собственными силами можетъ достигнуть спасенія, а при помощи благодати Божіей даже имѣть сверхдолжныя заслуги. Но воззрѣнію протестантовъ, предшественникомъ которыхъ въ древней церкви былъ бл. Августинъ, природа человѣка до такой степени испорчена грѣхонаденіемъ, что онъ въ настоящее время безъ помощи свыше не можетъ ни дѣлать, ни хотѣть доброго. Ложность первого мнѣнія доказывается словами апостола о могуществѣ грѣховнаго начала въ душѣ человѣка и о безсилії его осуществить законъ добра, доставляющій ему «сладость»; несостоятельность второго видна изъ словъ того же апостола, что по крайней мѣрѣ «хотѣти доброе прилежитъ» намъ, что каждый изъ насъ въ глубинѣ души «соуслаждается закону Божію по внутреннему человѣку», что «языцы закона не имуще. естествомъ законная творяты» (Рим. 2, 14); видна и изъ свидѣтельства Самого Иисуса Христа, что люди «любятъ любящихъ ихъ»

(Ме. 5, 47); видна и изъ того, что падшему человѣку въ словѣ Божиємъ даются заповѣди, дѣлаются предостереженія и угрозы, что не имѣло бы смысла въ томъ случаѣ, если бы онъ не обладалъ способностью дѣлать добро.

Православная церковь по данному вопросу держится средины между католицизмомъ и протестантизмомъ. По ея учению, природа человѣка повреждена глубоко и существенно, но тѣмъ не менѣе въ ней сохранились остатки правственной свободы. Язычники, невозрожденные благодатию, могутъ творить добро собственными силами, это добро угодно Богу, хотя и недостаточно для спасенія¹⁾. Такой взглядъ, основываясь на приведенныхъ нами мѣстахъ св. писанія, подтверждается и всѣмъ опытомъ жизни, который съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ въ возможности дѣлать добро впѣ христіанства.

Задача человѣка, по учению Православія, заключается въ томъ, чтобы при помощи благодати Божией препобѣждать въ себѣ грѣховое начало и достигать святой богоугодной жизни. Задача эта называется иначе воспитаніемъ нравственной свободы.

Терминъ «свобода» въ богословіи имѣеть нѣсколько иной смыслъ, сравнительно съ употребленіемъ его въ наукѣ и общежитії. Психологической или формальной свободой выбора называется способность человѣка во всякое время поступать такъ или иначе, избирать добро или зло по собственному произволенію:—«Предложихъ ти огнь и воду, и на неже хощени, простреши руку твою. Предъ тобою жизнь и смерть, и еже аще изволиши, дастся тебѣ» (Сирах. 15, 16—17). Въ св. писаніи и богословской наукѣ свободой называется слѣдованіе закону добра. Въ этомъ смыслѣ употребляется данное слово Господь Иисусъ Христосъ, когда говорить: «Уразумѣете истину, и истина свободитъ вы; аще убо Сынъ вы свободитъ, воистину свободни будете» (Иоанн. 8, 32, 36). А по словамъ апостола Павла: «Идѣже Духъ Господень, ту и свобода» (2 Кор. 3,17). Наоборотъ, всякий дѣлающій злое, становится рабомъ грѣха, по свидѣтельству Самаго Господа (Иоанн. 8, 34).

Воспитаніе нравственной свободы на первыхъ порахъ представляется для человѣка въ высшей степени труднымъ. Ему нужно преобѣдить грѣховную сторону своего существа, настойчиво приковывающую къ себѣ волю человѣка. «Инъ законъ» влечетъ его въ міръ «плоти и крови», грѣховныхъ наслажде-

¹⁾ Посланіе восточныхъ патріарховъ. Членъ 14.

ній, эгоистического чувственного счастья, и нужно не мало внутреннихъ усилий, напряженія воли и борьбы съ собою, чтобы подавить въ себѣ силу грѣховныхъ наклонностей и пожеланій. Вотъ почему Слово Божіе говоритъ объ узкихъ вратахъ, ведущихъ въ Царство Небесное (Мѳ. 7, 13—14), а Спаситель прежде всего требуетъ отъ Своихъ послѣдователей самотверженія и креста (Марк. 8, 34). По Его же словамъ «царство Божіе нудится (т. е. съ усилемъ берется) и нуждицы восхищаются ею» (Мѳ. 11,12). Но путь добра труденъ для человѣка только въ началѣ. Чѣмъ болѣе уразумѣваетъ онъ истину (*ἀληθεία*—истина не теоретическая, а нравственная—добро), тѣмъ болѣе плѣняется ею и постигаетъ ея внутреннюю привлекательность, тѣмъ болѣе пріятнымъ становится для него исполненіе нравственного закона. На высшей ступени развитія требованія послѣдняго сливаются во едино съ натуральными влечениями его природы, онъ видѣтъ въ дѣланіи добра свое высшее счастье, «внутренній человѣкъ» окончательно подавляетъ «инъ законъ, живущій во удѣхъ его», и онъ достигаетъ той высшей христіанской свободы, при наличии которой дѣланіе зла становится психологически невозможнымъ Для такого человѣка «иго» закона Божія становится «благо» и «бремя» его «легко» (Мѳ. 11,30 Си. 1 Тим. 1,9).

II.

Свобода, какъ условіе нравственности.

Слово Божіе представляетъ человѣка существомъ свободнымъ, имѣющимъ возможность выбирать добро или зло, дѣлаться праведнымъ или грѣшнымъ (Втор. 30, 19; Ис. 1, 19—20; Мѳ. 19, 17; 23, 37; Иоанн. 7, 17; Кор. 7, 37; сн. Римл. 21; Колос. 5, 21; Ефес. 5, 10, 15—17). Въ своемъ «Введеніи въ нравственное богословіе¹⁾ мы говорили, что свобода составляетъ необходимое условіе нравственности и въ то же время главное основаніе ея цѣнности. Теперь, приступая къ анализу присущихъ человѣку нравственного закона и совѣсти, мы считаемъ нeliшнимъ остановиться на выясненіи данной мысли болѣе подробно, особенно въ виду того, что въ човѣйшей философіи все настойчивѣе и настойчивѣе начинаетъ проводиться тенденція о возможности нравственности даже и съ детерминистической

¹⁾ Христіанское Чтеніе 1909 г. № 1.

точки зре́нія. Механическое міровоззрѣніе, говорять намъ, постулируетъ равенство бытія самому себѣ, его тождественность и внутреннюю неизмѣнность. Оно есть синонимъ вѣчного факта, существованія, но въ объемъ послѣдняго входитъ и все то, что мы относимъ къ области морали. Но тому же самому необходимому закону, по которому камень падаетъ на землю, люди станутъ страдать за свои убѣжденія, жертвовать личными благами для другихъ, подвергаться аскетическимъ подвигамъ, подавлять дурные склонности ради долга и т. д. Все это было до насъ, станетъ совершаться и послѣ насъ, независимо отъ того, какихъ взглядовъ будемъ держаться мы по вопросу о свободѣ воли.

Такъ представляется дѣло съ одной и притомъ виѣпней стороны. Со стороны внутренней оно должно освѣтиться совершенно иначе. Въ тотъ моментъ, когда мы убѣдимся въ истинности детерминизма, въ мірѣ, конечно, ничего не измѣнится, но зато совершенно должна будетъ измѣниться наша точка зре́нія на явленія морального порядка и наше отношеніе къ нимъ.

Прежде всего въ такомъ случаѣ потеряетъ въ нашихъ глазахъ абсолютную цѣнность нравственное добро, ставши на одинъ уровень съ другими чисто природными совершенствами. Положеніе Вл. Соловьева: — «добро остается добромъ, разсматривать ли его, какъ предметъ произвольного выбора, или же какъ мотивъ, необходимо опредѣляющей дѣятельность разумно-свободныхъ существъ»—противорѣчитъ свидѣтельству человѣческаго сознанія. Послѣднее, признавая пѣкоторую цѣнность за всякимъ совершенствомъ, независимо отъ того, является ли оно продуктомъ свободы или иѣтъ, *высшее* достоинство придаетъ только такому совершенству, которое создано самимъ человѣкомъ. Лишь это совершенство мы признаемъ нравственнымъ добромъ, которое можетъ быть вмѣнено человѣку и заслуживаетъ награды.

Вторымъ слѣдствіемъ детерминизма должно явиться приниженіе въ собственно нравственной области морали долга предъ моралью склонностей, отрицаніе достоинства за внутреннимъ подвигомъ и усилиемъ, оцѣнка дѣйствій исключительно по результатамъ, а не по мотивамъ, и, какъ слѣдствіе всего этого, игнорированіе субъективнаго момента въ человѣческомъ поведеніи. Въ настоящее время мы приписываемъ цѣнность всякому добруму движенію души, хотя бы оно и не сопро-

вождалось благотворными въ объективномъ смыслѣ послѣдствіями, всякому усплію личности, направленному въ сторону добра. Основаніемъ этого является то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ дѣлается все то должное, что отъ человѣка зависитъ, и что онъ не виноватъ, если, помимо его воли, его дѣйствіе не принесетъ желаемой пользы. Наоборотъ, разъ мы станемъ на детерминистическую точку зреїнія, то оцѣнка человѣческаго поведенія по его внутреннему основанію потеряетъ всякий смыслъ, и мы должны будемъ квалифицировать его исключительно по его послѣдствіямъ, имѣя въ виду лишь внѣшнюю сторону дѣла. Всякое дѣйствіе, способствующее въ общемъ увеличенію мірового счастья, должно будеть считаться добродѣтельнымъ, какую бы низменную подкладку оно ни имѣло. Принципъ: «цѣль оправдываетъ средства», въ самомъ худшемъ смыслѣ этого слова, съ чисто количественными вычислениами, получитъ для себя полное освященіе. Если убийство больныхъ дѣтей и стариковъ полезно для общества, то оно, съ детерминистической точки зреїнія, будеть вполнѣ позволительно, хотя бы сопровождающее его настроеніе и было здѣмъ и безнравственнымъ.

Въ-третьихъ, при отрицаніи свободы воли невозможна отвѣтственность, требующая тужества субъекта дѣйствія и вмѣненія. Только въ томъ случаѣ, если человѣкъ свободенъ, онъ можетъ считаться дѣйствительной причиной совершаемыхъ имъ поступковъ; въ противномъ случаѣ онъ является посителемъ хотѣній, данныхъ ему, помимо его, чуждыми и даже неизвѣстными ему причинами. Послѣдція и будуть настоящими виновниками его дѣянія. Призвавть человѣка отвѣтственнымъ за то, что отъ него не зависитъ—значить требовать невозможнаго и осуждать кого-либо за то, что не произошло нѣчто, никакимъ образомъ не могущее произойти. Однакожъ, но смотря на всю очевидность связи между отвѣтственностью и свободой, существуютъ попытки доказать независимость первой отъ послѣдней. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Риля, отвѣтственность есть соціально-нравственное явленіе и, какъ таковое, объяснимо соціально-психологически. Мы отвѣтственны будто бы не предъ собой, а предъ обществомъ. Когда же мы чувствуемъ себя виновными въ помыслахъ, скрытыхъ отъ нашихъ ближнихъ, то мысленно ставимъ себя предъ идеальнымъ обществомъ или лицомъ, которое воображаемъ себѣ зпающимъ мотивы наши, одобряющимъ или порицающимъ ихъ.

Приведенное объяснение происхождения чувства ответственности прежде всего противоречит опыту. Весьма часто человекъ по своимъ моральнымъ воззрѣніямъ настолько возвышается надъ обществомъ, что совершенно не дорожить его мнѣніемъ и, однакожъ, въ случаѣ совершеннаго какого-либо дурного поступка, не можетъ освободиться отъ сознанія ответственности. Иногда то или иное поведеніе личности даже одобряется ея современниками, вслѣдствіе измѣнности ихъ морального уровня, но если оно сознается самимъ дѣйствующимъ субъектомъ, какъ дурное, то онъ неизбѣжно чувствуетъ свою виновность въ совершившемся дѣяніи. Приходится наблюдать, наконецъ, и такой фактъ. Образъ дѣйствій известнаго человѣка вызываетъ порицаніе со стороны окружающей среды, а онъ, чувствуя себя внутренне правымъ, не только не признаетъ своей виновности, но даже испытываетъ особенное нравственное удовлетвореніе въ сознаніи того, что имѣль мужество не подчиниться моральному давленію совиѣ. Слѣдовательно, рассматриваемый взглядъ на значеніе соціального фактора въ дѣлѣ образования чувства ответственности слѣдуетъ признать по меньшей мѣрѣ преувеличеннымъ. Съ другой стороны, онъ преставляетъ изъ себя попытку лишь психологически объяснить происхожденіе ответственности, но никакъ не оправдываетъ ея этически, не разъясняетъ, почему люди не только сознаютъ себя ответственными, но и должны быть таковыми. Вѣдь если рассматриваемое чувство есть только психологический фактъ, не имѣющій ни этической санкціи, ни метафизического основанія, то онъ, какъ утверждающійся всецѣло на иллюзіи свободы, долженъ имѣть мѣсто лишь до тѣхъ поръ, пока продолжается эта иллюзія. Разъ человѣкъ убѣдился въ истинности детерминизма, онъ логически послѣдовательно можетъ и даже долженъ отбросить данную фикцію, и если не будетъ въ состояніи достигнуть этого вслѣдствіе внутренней слабости и неумѣнія подчинять чувство разсудку, то все же не имѣсть права считать виновными въ чѣмъ-либо и заслуживающими порицанія ни себя, ни, тѣмъ болѣе, другихъ.

По другому объясненію ответственность обусловливается тѣмъ, что данное дѣйствіе принадлежитъ мнѣ, что дѣятелемъ и ответственнымъ лицомъ является одинъ и тотъ же субъектъ. «Этическая оцѣнка моего поступка, говоритъ Гѣфдингъ, вытекаетъ изъ того, что онъ дѣйствительно мой. Поэтому эти-

ческое суждение только тогда ясно и определено, когда ясна и открыта психологическая связь между мотивомъ и решениемъ. Чемъ менѣе мой поступокъ объяснимъ моимъ характеромъ, тѣмъ легче меня считаютъ невмѣняемымъ и тѣмъ меньше самъ я могу привлечь себя къ самоотвѣту»¹⁾.

Но если самъ человѣкъ есть необходимое слѣдствіе сложившихъ его такъ, а не иначе, причинъ, то настоящими виновниками совершившагося дѣянія будемъ не мы, а будутъ именно эти причины. Вѣдь съ детерминистической точки зрения вся міровая жизнь представляется рядомъ событий, связанныхъ между собою неразрывною цѣнью безусловной необходимости. Каждое міровое состояніе, т. е. моментъ времени съ наполняющимъ его содержаніемъ, роковымъ образомъ предопределено предшествующимъ ему міровымъ состояніемъ и предопредѣляетъ послѣдующее. Мой поступокъ лишь повидимому обусловливается моимъ характеромъ, въ дѣйствительности же онъ вытекаетъ изъ всего предшествующаго хода міровой жизни. Между моей личностью, моимъ дѣйствіемъ и мотивомъ послѣдняго не существуетъ никакой реальной связи. Характеръ и мотивъ суть лишь кажущіяся причины, а не дѣйствительныя. Они сами суть порожденіе внѣшнихъ факторовъ и, если въ душѣ нѣть способности творчества, ничего не приносить отъ себя. Моя душевная природа столь же мало можетъ быть признана причиной дѣянія, какъ и природа всякаго другого лица. Это потому, что она есть порожденіе всего мірового строя и, можно сказать, та или иная ея организація была заложена еще въ тѣхъ туманностяхъ, которыя предшествовали данному состоянію міра.

Нельзя, наконецъ, согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ (принадлежащимъ Шольтену), по которому основою отвѣтственности является сознательность известныхъ дѣйствій. По справедливому замѣчанію преосвященнаго Антонія, «не самая сознательность виѣ ея отношенія къ свободѣ, но именно произвольность нравственныхъ поступковъ бываетъ причиной различныхъ нравственныхъ вмѣненій». Дѣйствія душевно-больныхъ при некоторыхъ формахъ психического разстройства отличаются даже большею сознательностью, чѣмъ дѣйствія здоровыхъ (принимимъ хотя бы Керженцева изъ рассказа Андреева «Мысль»), и, однако, мы признаемъ ихъ невмѣняемыми, именно

¹⁾) „Этика“. Переводъ Оболенского. Спб. 1898 г., стр. 65.

вследствие ослабления въ больныхъ внутренняго самоопределѣнія. Если известный поступокъ совершаются человѣкомъ по вѣщему принужденію, то, хотя бы сознаніе субъекта и сохранилось, онъ не считается нами виновнымъ. Такъ, напримѣръ, мы не въ правѣ осуждать христіанъ, которыхъ насильно заставляли приносить жертвы идоламъ, или не признаемъ отвѣтственными женщинъ, подвергающихся насилию, хотя бы они и не теряли сознанія.

Наряду съ отвѣтственностью, съ детерминистической точки зреянія не имѣть никакого смысла и понятіе долга, который представляетъ собою отрицаніе идеи факта. Говорить кому-либо: «ты долженъ это сдѣлать», когда всѣ наши дѣйствія безусловно необходимы—очевидная несообразность. Извѣстный поступокъ и безъ того осуществляется, разъ существуютъ къ тому причины, а если таковыхъ нѣть, то онъ все равно не можетъ совершиться. Идея долженствованія, при отрицаніи свободы воли, такъ же не приложима къ человѣку, какъ къ движению свѣтиль небесныхъ или къ росту деревьевъ.

Существуетъ взглядъ (развиваемый Фулье въ его книгѣ «Свобода и необходимость»), по которому понятія «должнаго» и «желательнаго» совпадаютъ между собою. Когда мы говоримъ: благо должно быть реальнымъ и дѣйствительность должна быть хорошей, то это, въ сущности, сводится къ положенію «хорошо, чтобы благо существовало».

Но въ дѣйствительности между идеями желательности и долженствованія нельзя поставить знака равенства. Мы часто признаемъ обязанными себя и другихъ къ тому, чего мы вовсе не желаемъ, даже къ тому, что намъ трудно и непріятно, напримѣръ, къ отказу отъ извѣстныхъ наслажденій, къ самопожертвованію и т. п. Во-вторыхъ, мы можемъ желать того, что, по нашему мнѣнію, вовсе не относится къ категоріи должна. Наконецъ даже тогда, когда желательное и должное совпадаютъ между собою, они не покрываютъ другъ друга. Мы сознаемъ, что должное не только желательно, но, кроме того, и обязательно, причемъ существеннымъ и характернымъ для него является именно послѣдній, а не первый моментъ. Если бы оно перестало быть желательнымъ, его обязательность чрезъ это нисколько бы не уменьшилась. Въ понятіе долга, какъ его признакъ, входитъ искоторый элементъ суровой принудительности, котораго совершенно нѣть въ идеѣ желаемаго. Желаемое всегда соединено съ предвосхищаемою пріятностью,

къциальному же обыкновенно примѣшивается значительная доза горечи.

Изъ сказаншаго, надѣемся, видно, что если и возможна нравственность безъ свободы, то не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее обыкновенно понимаемъ, гордимся ею и ее цѣнностью. Она можетъ существовать въ такомъ случаѣ только какъ фактъ, какъ известное міровое состояніе, безъ специально этической цѣнности добра, безъ права на объективное значеніе чувства отвѣтственности и идеи долга.

III.

Естественный нравственный законъ и его свойства.

Въ недрахъ человѣческой природы, въ самомъ ея существѣ, глубоко заложенъ такъ называемый естественный нравственный законъ, побуждающій насъ слѣдоватъ доброму и избѣгать злого (Римл. 2, 14). Законъ этотъ запечатленъ тремя характерными свойствами: всеобщностью, необходимостью и неизмѣнностью.

Всеобщность нравственного закона заключается въ томъ, что онъ составляетъ неотъемлемую принадлежность всякаго человѣка вмѣстѣ съ разумомъ, религіей, эстетическою способностью и стремлениемъ къ счастью.

Возраженіемъ противъ даннаго свойства не могутъ служить такие факты изъ жизни дикихъ народовъ, какъ, напримѣрь, убийство стариковъ и больныхъ, сожженіе женъ на могилахъ мужей, человѣческія жертвоприношенія и т. п. Прежде всего подобныя дѣйствія часто совершаются по нравственнымъ мотивамъ изъ желанія прекратить страданія больныхъ членовъ общества или же, чаще, доставить имъ вѣчное блаженство за гробомъ. Затѣмъ, когда дурныя дѣйствія сопровождаются соотвѣтствующимъ злымъ настроениемъ, когда, напримѣрь, дикарь съ радостью сдираетъ кожу съ пойманнаго врага, онъ дѣйствуетъ сообразно съ своимъ убѣжденіемъ и думаетъ, что поступаетъ, какъ должно. Это зависитъ, слѣдовательно, отъ низкаго уровня его умственнаго развитія, отъ ложности его убѣждений, но не отъ того, чтобы въ немъ совсѣмъ не было нравственнаго закона. Разъясните какъ слѣдуетъ тому же дикарю, что онъ поступаетъ дурно, и онъ почувствуетъ угрызенія совѣсти. Но сознаніе того, что есть что-то хорошее и что-то дурное, и что одно должно, а другое не

должно, есть у всякаго. Словомъ, люди, стоящіе на различныхъ ступеняхъ умственного развитія, имѣютъ различныя нравственные понятія, но одинаково считаются для себя обязательнымъ то, что признаютъ нравственнымъ добромъ. Сомнѣніе можетъ быть только относительно всеобщности одного и того же содержанія нравственности, но не ея формы, т. с. сознанія долга или обязанности поступать сообразно съ тѣмъ, что признано хорошимъ. Нравственный законъ присущъ, следовательно, человѣку въ томъ же смыслѣ и въ той же степени, какъ и религіозная потребность. Разнообразіе вѣрованій не препятствуетъ намъ признавать универсального характера религіи, какъ общаго влечения человѣка къ сверхчувственному миру. Точно также и различіе нравственныхъ понятій ничего не говоритъ противъ мысли о всеобщности нравственного закона, состоящаго въ признаніи одного добрымъ, другого злымъ, и сопровождающагося сознаніемъ необходимости первому следовать, а второго избѣгать.

Необходимость нравственного закона заключается въ его безусловной обязательности для всѣхъ духовно разумныхъ существъ. Слѣдяя извѣстному этическому требованію, мы сознаемъ, что ему долженъ подчиняться и всякий человѣкъ, находящійся въ такомъ же положеніи, въ какое бы время онъ ни жилъ и къ какой бы народности ни принадлежалъ. Если иногда намъ кажется, что то, что обязательно для одного, можетъ быть даже запрещено другому, то это зависитъ отъ того, что этого другого мы мыслимъ находящимся въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ первый. Но для двухъ людей, находящихся въ абсолютно одинаковыхъ обстоятельствахъ, не можетъ быть двухъ различныхъ исходовъ, которые были бы одинаково нравственны; одинъ изъ нихъ будетъ для него обязанностью, другой грѣхомъ.

Необходимость нравственного закона отличается отъ необходимости закона физического. Въ то время какъ послѣдняя имѣть фактически безусловный характеръ, реализація первой обусловливается свободной волей духовно-разумныхъ существъ. Въ мірѣ физическомъ то, что необходимо, eo ipso и дѣйствительно по извѣстному логическому правилу—ab oportere ad esse valet consequentia. Наоборотъ, что не дѣйствительно въ области природы, чего въ ней нѣтъ, то вслѣдствіе этого, и не необходимо, такъ какъ иначе оно обязательно должно бы было существовать. Въ нравственной сферѣ указанное умозаключе-

ніє модальности не имѣть мѣста. Здѣсь отъ необходимости чего-либо мы еще не имѣемъ права переходить къ дѣйствительности, но за то и наоборотъ, отъ недѣйствительности не можемъ дѣлать вывода объ отсутствіи необходимости. Исполненіе той или другой нравственной заповѣди для человѣка необходимо, т. е. обязательно, но онъ можетъ и не исполнять ея, если не захочеть. Переходъ отъ орортеге къ esse обуславливается, слѣдовательно, въ нравственномъ мірѣ свободнымъ изволеніемъ человѣческой личности.

Но хотя физическая необходимость и имѣетъ болѣе безусловный и непреложный характеръ сравнительно съ необходимостью нравственной, однакожъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы первой принадлежала высшая обязательность, чѣмъ послѣдней. Скорѣе можно сказать наоборотъ. Необходимость физического закона есть необходимость факта или силы, съ которой ничего не подѣлаешь. Но она не сопровождается сознаніемъ ея цѣнности и желательности, каковые признаки составляютъ характеристическую черту нравственной обязательности. Законы природы дѣйствуютъ съ роковою неумолимостью, но человѣческое сердце часто протестуетъ противъ такого ихъ характера и признаетъ физическую необходимость фактомъ возмутительнымъ и глубоко-печальнымъ. Возьмемъ хотя бы отношеніе нашего сознанія къ закону всеобщей смерти и разрушенія. Мы знаемъ, что этотъ законъ не знаетъ никакихъ исключений. Святой подвижникъ добродѣтели, энергичный борецъ за общественную правду, геній науки или искусства, благодѣтель человѣчества — всѣ одинаково должны сойти въ могилу, иногда не окончивши и десятой доли начатаго дѣла, часто въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта. Какой-нибудь разрывъ кровеноснаго сосуда въ мозгу, капля яда, случайно попавшая въ кровь, остановленіе извѣстной части тѣла или простая неосторожность — вдругъ могутъ прекратить существованіе человѣка со всѣми его умственными и нравственными запросами, мечтами, надеждами, планами на будущее. Всякій изъ насъ хорошо знаетъ, что ему не суждено осуществить въ жизни и малой доли того, чего онъ желаетъ, что онъ никогда не дождется и не увидитъ осуществленія своихъ идеаловъ, своихъ завѣтныхъ чаяній и надеждъ. Всѣ организмы разрушимы, всѣ люди смертны — вотъ неумолимый законъ природы и, однакожъ, человѣческое сердце горячо протестуетъ противъ этого закона. Оно не только не

признаетъ его желательнымъ и цѣннымъ, а наоборотъ возмущается его безпощадной жестокостью проклинаяетъ его, какъ какую-то вѣшнюю роковую силу, принудительно сдавившую человѣка, съ которою онъ ничего не можетъ подѣлать вслѣдствіе своей слабости, но которую онъ испарадить и презираеть. И если бы для человѣка какимъ-нибудь образомъ было возможно избавиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ безусловной необходимости физического закона, напримѣръ, отъ необходимости смерти, болѣзней ограниченія пространствомъ и временемъ и т. п., то онъ не только не увидѣлъ бы въ этомъ чего-либо недолжнаго и дурного, а напротивъ, сдѣлалъ бы это съ удовольствіемъ, а вмѣстѣ и съ сознаніемъ торжества человѣческаго духа, его побѣды надъ косностью материальной жизни. Иначе относимся мы къ обязательности нравственного закона.

Хотя ему принадлежитъ только идеальная необходимость, осуществленіе которой обусловливается свободою человѣка, однакожъ, мы сознаемъ, что съ высшей точки зрењія она имѣть качественное превосходство предъ неумолимостью законовъ природы. Въ то время какъ чудо, въ которомъ «препобѣждается естества уставы», признается нами вполнѣ достойнымъ Божественнаго совершенства, въ то время какъ частичное освобожденіе человѣка отъ стѣсняющихъ ограниченій пространства и времени посредствомъ техническаго прогресса заставляетъ радоваться человѣческій духъ и составляеть предметъ его гордости, — нарушение нравственныхъ нормъ возмущаетъ нашу совѣсть, представляется чѣмъ-то безусловно дурнымъ и не должнымъ. Если бы даже мы могли безнаказанно нарушать нравственный законъ, скажемъ болѣе, если бы такое нарушеніе влекло за собою блаженство, а соблюденіе его страданія, то все же мы чувствовали бы себя обязанными слѣдоватъ моральнымъ постулатамъ, а людей, не подчиняющихся имъ, стали бы считать дурными и заслуживающими кары. Словомъ, въ то время какъ законъ физической обладаетъ необходимостью силы, законъ нравственный запечатлѣнъ авторитетомъ добра, признаваемаго нашимъ духомъ совершенствомъ цѣннымъ, желательнымъ, а потому и обязательнымъ.

Необходимость законовъ природы простирается только на этотъ физический міръ и притомъ разсматриваемый съ фено-менальной стороны. Она носить, слѣдовательно, чисто эмпи-

рическій характеръ, не имѣя не только нравственнаго, но даже и метафизического значенія. Большинство законовъ природы находятся въ тѣснѣшой связи съ пространственно-временными отношеніями, а такъ какъ пространство и время не суть объективно-реальные свойства вещей, а лишь формы ихъ видѣнія ограниченнія, не и необходимость законовъ физическаго міра не простирается на его ноумenalную сторону. Тѣмъ болѣе она не имѣть силы для иныхъ видовъ и формъ бытія, существующихъ и могущихъ существовать. Міръ безплотныхъ духовъ и тѣмъ болѣе Самъ Богъ не подчиняются физическимъ законамъ. Новое небо и новая земля, которыхъ мы чаемъ послѣ всеобщаго воскресенія мертвыхъ, также могутъ быть мыслимы свободными отъ подчиненія имъ. Человѣкъ былъ созданъ «въ неистлѣніе», ибо «Богъ смерти не сотвори», а слѣдовательно, законъ всеобщаго разрушенія не былъ необходимъ для первыхъ людей до грѣхопаденія. Мы легко можемъ себѣ представить, что гдѣ-нибудь, за предѣлами этого міра, и теперь существуютъ такія формы жизни, на которыхъ не простирается дѣйствіе нашихъ физическихъ законовъ. И такая мысль нисколько не представляется намъ возмутительною и обидною. Наоборотъ, чѣмъ совершиеннѣе известное существо, тѣмъ болѣе оно мыслится нами свободнымъ отъ роковой необходимости физическаго міра. Нравственный законъ признается нами обязательнымъ не только для людей, но и для всѣхъ духовно-разумныхъ существъ, для ангеловъ и даже для самого Бога. Если бы намъ сказали, что то, что на землѣ признается добромъ и справедливостью, не считается таковымъ на небѣ, что гдѣ-нибудь находятся такие разумные духи, для которыхъ не обязательно слѣдовать добру, и которые имѣютъ право быть злыми, то мы были бы возмущены этою мыслью и никогда не согласились бы признать ее.

Мы легко можемъ допустить, что кто-либо не подчиняется нравственному закону, но никогда не примиримся съ тѣмъ что кто-либо не *долженъ* ему подчиняться. Если бы Богъ не былъ святымъ, то и Онъ пересталъ бы быть Богомъ. Нравственный законъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы согласовали свою волю съ добромъ, т. е. совершенствомъ, и чѣмъ выше духовно-разумное существо, тѣмъ болѣе возрастаетъ для него необходимость слѣдованія этому совершенству. Для людей грѣшныхъ она носить только идеальный характеръ, для лю-

дѣй праведныхъ болѣе приближается къ дѣйствительности и, наконецъ, для существъ, достигшихъ полнаго нравственнаго совершенства, идеальная необходимость исполненія нравственнаго закона вполнѣ совпадаетъ съ реальною, вслѣдствіе чего они дѣлаютъ именно то, что должны дѣлать.

Наконецъ, послѣднимъ свойствомъ нравственнаго закона является его неизмѣнность, которая въ сущности есть та же необходимость, рассматриваемая съ точки зрењія ея вѣкъ времennости. Мы вѣруемъ, что нравственный законъ всегда былъ и всегда будетъ такимъ же, каковъ онъ теперь, что то, что является добромъ и зломъ въ настоящее время, было имъ тысячи лѣтъ тому назадъ и будетъ имъ вѣчно, что обязательное для насъ было обязательно для нашихъ предковъ и будетъ обязательно для нашихъ потомковъ. Пусть въ глубокой древности человѣчество считало добромъ не то, что является имъ на самомъ дѣлѣ, пусть со временемъ моральныя воззрѣнія и вкусы людей также измѣняются, — самыя объективныя основы нравственности вѣчно были и вѣчно останутся тѣми же самыми. Любовь, альтруизмъ, самоотверженіе всегда были добромъ, которому все люди обязаны были слѣдовать; эгоизмъ, злоба, жестокость всегда были и вѣчно будутъ настроеніями антиморальными, такими, слѣдованіе которымъ было грѣхомъ и влекло за собою отвѣтственность. Даже въ будущей загробной жизни основныя нравственные нормы должны оставаться тѣми же самыми. Эта вѣра въ неизмѣнность нравственнаго добра и его обязательность, неограниченную никакимъ временемъ, находясь въ тѣсной связи съ идею его безусловной цѣнности, въ то же время служить главнымъ основаніемъ этой послѣдней. Если бы мы допустили возможность того предположенія, что присущія намъ нравственные идеи и постуляты суть только плодъ нашей субъективной организаціи измѣнчивой и условной, что имъ не соответствуетъ никакой дѣйствительности, то наше уваженіе къ добру должно бы было значительно уменьшиться *).

Павелъ Левитовъ.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — профессор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки